
ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КІЕВѢ.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ помѣщена замѣтка „Двѣ Ревизіи“ (Немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ), въ которой авторъ говоритъ о двухъ лицахъ, занимавшихъ въ то время видное положеніе въ управленіи кіевскимъ учебнымъ округомъ и которыхъ онъ представилъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Лица эти, которыхъ авторъ называетъ только ревизорами, а имена и фамиліи ихъ обозначилъ начальными буквами, были: инспекторъ казенныхъ училищъ, Матвѣй Матвѣевичъ Могилянскій и попечитель кіевскаго учебнаго округа, генералъ-маіоръ Траскинъ. Оба они покойники и не могутъ отвѣтить за себя,—тѣмъ болѣе мы, говоря объ нихъ, должны соблюдать справедливость и безпристрастіе.

Не имѣю намѣренія вступать съ авторомъ „Двухъ ревизій“ въ полемику по поводу его рѣзкаго отзыва о названныхъ лицахъ, составленнаго, какъ кажется, болѣе по слухамъ и тому мимолетному впечатлѣнію, какое они произвели на него во время ревизіи немировской гимназіи,—впечатлѣнія бываютъ различны и зависятъ отъ многоразличныхъ причинъ,—но хочу передать мои воспоминанія о тѣхъ-же лицахъ, а мимоходомъ и вообще о кіевскихъ гимназіяхъ того времени, порядкахъ и условіяхъ тогдашняго воспитанія, которыя были далеко не одинаковы и зависѣли отъ личныхъ качествъ воспитателей.

Начну съ Могилянскаго, которому авторъ замѣтки ставитъ, по видимому, въ вину даже его заграничное образованіе.

Извѣстно, что еще ранѣе 40-хъ годовъ все, что было лучшаго въ Россіи, стремилось за границу для своего образованія. Извѣстно также и то, что достичь этого въ ту эпоху было не такъ-то легко. Родители Матвѣя Матвѣевича были люди образованные и состоятельные; они жили въ Кіевѣ, пользовались общимъ уваженіемъ тогдашняго кіевскаго общества, имѣли собственный домъ въ Липкахъ, противъ нынѣшняго дома гражданскаго губернатора. Благодаря ихъ свѣтлому взгляду и особенной протекціи, Матвѣй Матвѣевичъ получилъ образованіе въ заграничномъ университетѣ; но какъ заграничный дипломъ не давалъ ему правъ по образованію въ предѣлахъ Россіи, то впослѣдствіи онъ сдалъ экзаменъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Въ 1843 г. Матвѣй Матвѣевичъ не былъ еще инспекторомъ казенныхъ училищъ, какъ говоритъ авторъ „Двухъ ревизій“, но и не „слонялся по типографіямъ“, какъ увѣряетъ онъ-же, а былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона кіевской 1-й гимназіи. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его тогда ежедневно (я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ 1-й гимназіи), то могу сказать положительно, что „румянъ и бѣлилъ, шнуровки и черненья волосъ“ Матвѣй Матвѣевичъ не употреблялъ,—это не ускользнуло-бы отъ нашего школьнаго любопытства и вниманія. Жилъ онъ, правда, и въ то время шикарно, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, экипажъ и обладая всѣми условіями пзящнаго и образованнаго человѣка, вращался въ аристократическомъ кругу, но даже намъ, школьникамъ, было хорошо извѣстно, что средства его не исходили ни изъ какихъ незаконныхъ источниковъ.

Затѣмъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ должность инспектора казенныхъ учебныхъ заведеній, а въ 1848 году исправлялъ должность инспектора студентовъ кіевскаго университета. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ директоромъ нѣжинскаго лицея графа Безбородько, а въ началѣ 60-хъ годовъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, вмѣсто Н. И. Пирогова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Матвѣй Матвѣевичъ получилъ мѣсто члена совѣта министра народнаго просвѣщенія и въ этомъ званіи скончался.

Въ Кіевѣ, въ 40-хъ годахъ, было 2 гимназіи: въ 1-й было 6-ть классовъ, во 2-й—7. Въ послѣдней преподавался греческій языкъ.

Въ 1-й гимназіи было 3 благородныхъ пансіона и „конвиктъ и училище землемѣровъ“. Въ 3-мъ пансіонѣ было самое незначительное число воспитанниковъ, изъ лучшихъ польскихъ фамилій,—платили по 2,000 руб. ассигнаціями въ годъ. 1-й и 2-й пансіонъ, хотя и помѣщались въ отдѣльныхъ зданіяхъ, но по внутреннему характеру, условіямъ и по цѣнѣ, платимой воспитанниками (1,000 руб. ассигн. ежегодно), они ничѣмъ не отличались одинъ отъ другаго. 1-й и 2-й пансіоны и „конвиктъ“, кромѣ надзора извѣстнаго числа комнатныхъ надзирателей, находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго инспектора; но всѣ они подчинялись директору 1-й гимназіи, имѣвшему общее наблюденіе за всѣми этими воспитательными заведеніями гимназіи.

Матвѣй Матвѣевичъ въ то время былъ инспекторомъ 2-го благороднаго пансіона, и объ немъ у меня, какъ и у моихъ товарищей по воспитанію, сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Въ какомъ контрастѣ находились между собою 1-я и 2-я гимназія въ порядкахъ надзора и воспитанія, можно видѣть изъ того, что во все мое пребываніе въ 1-мъ пансіонѣ я не помню ни одного случая наказанія воспитанниковъ розгами. Совсѣмъ иное было во 2-й гимназіи, гдѣ мѣсто инспектора Зимовскаго (въ послѣдствіи директора немировской гимназіи) занялъ Іеронесъ, кромѣ греческаго языка не имѣвшій никакого понятія о самомъ элементарномъ образованіи. Онъ занимался сѣченіемъ воспитанниковъ въ теченіи всѣхъ часовъ пребыванія въ гимназіи, а по выходѣ ихъ оттуда, отправлялся въ общія ихъ квартиры и придираясь къ каждому вздору, производилъ тамъ новыя экзекуціи. Когда-бы вы ни проходили мимо этихъ воспитательныхъ заведеній, васъ всегда поражалъ раздирающій душу крикъ наказываемыхъ мальчиковъ.

Разъ какъ-то заболѣлъ учитель геометріи: на урокъ 4-го класса для порядка явился Іеронесъ. Онъ вызвалъ самаго плохаго ученика и приказалъ ему отвѣчать урокъ. Гимназистъ оказался не промахъ. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ начертилъ на доскѣ нѣчто въ родѣ кошки, обозначилъ оконечности литерами и пошелъ писать развязно, бойко формулу за формулой; стеръ губкой исписанную разъ доску, исписалъ ее вновь и заключилъ словами: „что и слѣдовало доказать“. Іеронесъ удивленно смотрѣлъ сквозь очки на бойкаго математика, назвалъ его „молодѣчъ“ (онъ плохо говорилъ по русски)

и поставилъ ему въ журналѣ 5. Въ тотъ урокъ всѣ оказались превосходными математиками. Говорили, что послѣ выздоровленія учителя бойкій математикъ былъ обиченъ въ обманѣ и получилъ инквизиторскую порку отъ разсвирѣпѣвшаго Іеропеса.

Я воспитывался въ 1-мъ пансіонѣ, въ которомъ было около 120 учениковъ; во 2-мъ пансіонѣ воспитанниковъ было нѣсколько менѣе. Въ 1-мъ пансіонѣ было 6 комнатныхъ надзирателей и 7-й старшій. Каждый изъ 6-ти надзирателей дежурилъ сутки въ недѣлю; въ воскрестные дни была особая очередь. Всѣ надзиратели обладали хорошимъ знаніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ, на которыхъ воспитанники обязательно должны были говорить, подъ условіемъ „chèz vous la marque“. Вечеромъ они сходились для занятій по изученію языковъ и предметовъ.

Нѣкоторые изъ „комнатныхъ надзирателей“ 2-хъ благородныхъ пансіоновъ 1-й гимназіи въ послѣдствіи заняли видныя государственныя должности. Такъ Падренъ-де-Карне былъ помощникомъ попечителя одесскаго учебнаго округа, графъ Келлеръ начальникомъ минской губерніи, а Стеблинъ-Каменскій начальникомъ виленской губерніи.

Падренъ-де-Карне былъ человѣкъ вспыльчивый; однажды во время обѣда, не помню по какой причинѣ, онъ крикнулъ воспитаннику 6-го класса Н. В. Гербелю (въ послѣдствіи переводчику Шекспира): „sortez du table!“ Мы всѣ притаили дыханіе и соображая, что ученикъ выпускнаго класса не исполнитъ подобнаго приказанія „комнатнаго надзирателя“, ожидали бури... Но Гербель, высокаго роста, покойно вышелъ изъ за стола и сталъ у стѣны, въ виду всего пансіона и первоклассныхъ мальчугановъ... Черезъ минуту Падренъ уже извинялся и цаловалъ Гербеля... Но идеаломъ нашимъ и всеобщимъ любимцемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ былъ Е. П. Стеблинъ-Каменскій.

Наши пансіоны находились въ роскошныхъ помѣщеніяхъ. 1-й пансіонъ былъ въ Липкахъ, въ домѣ графа Иллинскаго. Паркетные полы натирались ежедневно. Въ верхнемъ этажѣ были компаты для занятій, столовыхъ и пріемныхъ, въ нижнемъ спальни. Кровати и постельное бѣлье, безукоризненной чистоты, стояли днемъ подъ чехлами. Отыскать въ нихъ *клопа* было немыслимо. Въ пансіонѣ было 5 роялей. Обѣдъ, очень изящный, состоялъ изъ 3 и 4

блюдъ, ужинъ изъ 2-хъ. Къ утреннему и вечернему чаю подавались молоко и бѣлый хлѣбъ. Нашъ пансіонъ отстоялъ отъ гимназіи въ 200-хъ саженяхъ, 2-й былъ еще ближе. Въ гимназіи мы занимались отъ 8-ми до 11-ти часовъ утра и отъ 2-хъ до 5-ти часовъ пополудни. По возвращеніи изъ гимназіи двери нашихъ пансіоновъ затворялись на ключъ и мы никуда не выходили. Въ праздничные дни, если родные присылали за нами лакеевъ, насъ отпускали; но отлучиться самому изъ пансіона, или безъ лакея, было немыслимо: привиллегіей этой пользовались только 6 старшихъ воспитанниковъ, носившихъ на плечахъ погоны и наблюдавшихъ за порядкомъ въ 6 отдѣленіяхъ, по числу комнатъ для занятій и классовъ: они въ праздничные дни могли выходить изъ пансіона сами, но предупредивъ надзирателя. Въ праздничные дни и обстановка принимала болѣе праздничную наружность; даже швейцаръ на парадномъ входѣ облекался въ треугольную шляпу и красную перевязь, постукивая золоченой булавой.

По порядку воспоминаній перейду теперь къ другому ревизору 40-хъ годовъ, такъ не благовидно представленному авторомъ „Двухъ ревизій“, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа генералъ-маіору Траскину. До поступленія на эту должность, онъ состоялъ начальникомъ штаба на Кавказѣ при князѣ М. С. Воронцовѣ.

Помню, въ одинъ лѣтній день 1846 года, мы выстроены были въ ряды въ рекреаціонной залѣ нашего 1-го пансіона. Стѣны оной сверху до низу были унизаны изящными рисунками пансіонеровъ, изъ коихъ два: Велизарій и Мадонна, по величинѣ и работѣ, занимали видное мѣсто. Мы ожидали перваго визита новаго попечителя Траскина, назначеннаго вмѣсто бывшаго попечителя князя Давыдова. Въ общей залѣ собранъ былъ и весь персоналъ учителей 1-й гимназіи, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Костомаровъ, поступившій сюда на должность учителя исторіи до открытія университетской кафедры. Русскую исторію тогда проходили по учебнику Устрялова, а всеобщую по учебнику Смарагдова. Требовалось, конечно, твердое знаніе учебника и самъ знаменитый потомъ историкъ уступалъ, кажется, этому требованію, дѣлая въ учебникахъ только сокращенія карандашемъ. Въ послѣдствіи, слушая въ университетѣ его увлекательныя лекціи по русской исторіи, какъ-то не вѣрилось, что это былъ тотъ самый Костомаровъ.

Вскорѣ въ дверяхъ показалась тучная фигура Траскина, средняго роста, опиравшагося на трость, въ мундирѣ генеральнаго штаба. Не смотря на комичную его тучность и зычный голосъ, его наружность, въ золотыхъ очкахъ, была очень симпатична. Какъ дежурный старшій, я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Выслушавъ его, Траскинъ полюбопытствовалъ узнать, которой губерніи я уроженецъ и проч.

При представленіи ему учителей помощникомъ попечителя Юзефовичемъ, указавшимъ на Костомарова, какъ „магистра", Траскинъ оказалъ послѣднему особенную любезность. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ нѣкоторымъ воспитанникамъ, Траскинъ обошелъ всѣ комнаты пансіона и спальни и обратилъ особенное вниманіе на библіотеку пансіона, которою завѣдывалъ Падренъ, сдѣлавъ, по поводу ея, нѣсколько замѣчаній, не обнаружившихъ въ немъ ничего того, что приписалъ ему авторъ „Двухъ ревизій", равно не отдалъ такой чести пробному обѣду 1-го пансіона, какую, по словамъ того-же автора, оказалъ *тремъ* обѣдамъ въ пемировской гимназіи.

Я былъ тогда въ 6-мъ, т. е. выпускномъ классѣ. Вскорѣ послѣ этого Траскинъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію, въ 6-й классъ, на выпускной экзаменъ, на который обыкновенно приглашался, въ качествѣ ассистента, профессоръ университета соотвѣтствующаго предмета. Былъ экзаменъ физики и Траскинъ, по словамъ автора „Двухъ ревизій", не умѣвшій отличить физики отъ логики, удивилъ не только насъ, но и ассистента Фомберга (профессора химіи) основательнымъ знаніемъ этого предмета, предлагая каждому изъ экзаменовавшихся вопросы, сообразно его отвѣту, и, въ случаѣ затрудненія въ отвѣтѣ, разъясняя его самъ. Физика вѣдь не такой предметъ, чтобы можно было, для удивленія кого-либо, подготовиться къ нему наканунѣ.

Траскинъ, помню, посѣщалъ и лекціи въ университетѣ; но исключительное вниманіе онъ оказывалъ наукамъ математическимъ. Къ студентамъ онъ былъ снисходителенъ и помогалъ имъ иногда изъ собственныхъ средствъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ.

Деканомъ юридическаго факультета и профессоромъ уголовнаго права былъ въ то время С. О. Богородскій; прекрасный знатокъ своего предмета, онъ отличался особою строгостію въ оцѣнкѣ познаній студентовъ и не рѣдко на экзаменахъ сбивалъ ихъ въ отвѣтахъ. Должно замѣтить, что кромѣ должности профессорской Богородскій

занималъ одно время должность цензора и директора 2-й гимназіи, пользуясь и квартирой въ гимназіи, которая помѣщалась тогда въ домѣ, гдѣ теперь магазинъ Огюста, на углу Крещатика и Лютеранской. Были-ль у него съ Траскинымъ какія-либо столкновенія и счеты,—не знаю; но въ нашъ выпускъ, который, вслѣдствіе строгости декана, оказался ограниченнымъ по числу удостоенныхъ степенями, между деканомъ и попечителемъ произошелъ весьма крупный разладъ. Богородскій имѣлъ почему-то особо веселый видъ, когда явился къ Траскину съ докладомъ о процентѣ студентовъ юридическаго факультета, удостоенныхъ степеней. Траскинъ выслушалъ его докладъ сердито, а потомъ сказалъ: „Не могу понять, г. профессоръ, что васъ такъ радуетъ. Я нисколько не отношу этого прискорбнаго явленія къ нерадѣнію студентовъ, но скорѣе къ нерадѣнію тѣхъ профессоровъ, которые не умѣютъ изложить студентамъ толково своего предмета и не желаютъ внушить имъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ тому предмету, который они читаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ такъ заняты другими обязанностями, что не имѣютъ на это даже и свободнаго времени: я постараюсь ихъ облегчить. До свиданія, г. профессоръ"!

Траскинъ въ то время занималъ лучшій на Крещатикѣ домъ, уцѣлѣвшій въ томъ видѣ и до нынѣ: угольный домъ противъ нынѣшней Европейской гостинницы и фонтана.

Черезъ нѣсколько времени С. О. Богородскій былъ дѣйствительно *облегченъ*, оставшись только въ должности профессора уголовнаго права.

Одинъ изъ студентовъ написалъ нелѣпый романъ, издавъ его на послѣдніе свои гроши, и *посвятилъ* его Траскину. Послѣдній поморщился, но купилъ тотъ-часъ у автора 100 экземпляровъ (кажется по 1 р.). Вмѣстѣ съ этимъ онъ посовѣтовалъ автору не тратить драгоцѣннаго времени на сочиненія романовъ; первымъ условіемъ, говорилъ онъ, хорошаго писателя, помимо таланта, должно быть и солидное образованіе, по окончаніи-же его талантъ можетъ высказаться сильнѣе со стороны умственной и нравственной. Прочитавъ затѣмъ самый романъ, Траскинъ смутился и за автора, и за свое имя, красовавшееся съ полнымъ титуломъ его, въ формѣ посвященія, на первой страницѣ изданія. Онъ послалъ скупить всѣ находившіеся въ книжныхъ магазинахъ экземпляры этого сочиненія, и взялъ съ автора слово не печатать 2-го изданія.

Одинъ студентъ, находившійся въ крайней нуждѣ, не имѣлъ средствъ уплатить денегъ, требуемыхъ съ него за право ученія. Онъ отправился къ Траскину и изложилъ ему свое горе. Траскинъ немедленно заплатилъ за него изъ своей шкатулки, приказалъ принять его въ число недостаточныхъ студентовъ (съ платою за столъ и за квартиру по 5 руб. въ мѣсяцъ) и просилъ его передать другимъ его товарищамъ, находившимся въ такой-же нуждѣ, свою готовность заплатить и за нихъ.

Послѣ арестовъ: Костомарова, Шевченка и другихъ, по извѣстной исторіи составленія славянскаго „общества св. Кирилла и Меѳодія", бывшій тогда генералъ-губернаторъ Бибиковъ приказалъ въ одинъ праздничный день собрать всѣхъ студентовъ въ залѣ университета.

Въ назначенный часъ мы явились въ мундирахъ. Пріѣхалъ и Траскинъ. Указавъ въ своей рѣчи на современное „броженіе умовъ", Бибиковъ закончилъ ее слѣдующими словами, нашедшими тогда мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ: „если я пять милліоновъ народа умѣлъ поставить на свою ногу, то и васъ поставлю: или я лопну, или вы всѣ перелопаетесь!" Траскинъ весь побагровѣлъ, очевидно, не отъ сочувствія къ энергичной рѣчи Бибикова.

По поводу этой рѣчи и вообще по поводу различія взглядовъ на системы образованія юношества, между Траскинымъ и Бибиковымъ происходили, говорятъ, крупные переговоры, пока наконецъ, вмѣсто Траскина, не былъ назначенъ попечителемъ кіевскаго округа самъ Д. Г. Бибиковъ въ 1848 году.

Н. Я. Бар—вскій.

Г. Одесса.
28 Января 1884 года.